

КУЛЬТУРА

16 июля – День памяти П.Н. Васильева. “Поэт неслыханного дарования” прожил на “золотой, на яростной, прекрасной земле” всего 27 лет. Ему выпало жить и творить в то страшное время, когда произвол, возведенный в ранг государственной политики, калечил и ломал судьбы людей, уничтожал непокорных. Но даже в условиях террора и жесточайшей цензуры, П. Васильев сумел остаться независимым и поэтически самостоятельным. В 1937 г. он был арестован по обвинению в антигосударственной деятельности и как враг народа расстрелян в Лефортовской тюрьме.

В фондах Дома-музея П. Васильева хранится рукопись дочери поэта Н.П. Фурман “Жизнеописание П. Васильева”. Пользуясь правом публикации, мы предлагаем вашему вниманию отрывки из этой рукописи.

В декабре 1927 г., не добившись признания в Москве, П. Васильев возвращается в Омск, где у него уже много друзей и почитателей его таланта в ОМАГПЕ (Омская ассоциация пролетарских писателей). Среди них И. Шухов, Л. Мартынов, А. Алдан-Семенов, В. Квитко, Е. Забалин. Уже в мае П. Васильев читает в комклубе стихи “Азиат”, “Водник”, “Пароход”, “Прииртышье”. Следом все это печатает газета “Рабочий путь”. Из Омска поэт часто наезжает в Новосибирск, где кипят словесные баталии, спорят две литературные группы. Спор принципиальный. Группа “Настоящее” возглавлялась Курсом и Родовым, в ее руках был одноименный журнал.

Проводники партийного влияния в литературе, верные слуги правящего режима, они отводят художественному слову роль второстепенную, главное – политическая позиция автора. Именно поэтому они ругают Есенина, клеймят “есенинщину”. Нет, П. Васильеву с ними не по пути. Ведь Есенин его любимый поэт. Со стихами Есенина он выступал еще на Гальяновке, будучи рабфаковцем, и не без неприятностей для себя.

...В 32-м, будучи арестованным, поэт готов отказаться от своих друзей, чтобы избежать ссылки на Север, но от Есенина он не отрекается. “Сама личность и творчество этого поэта на меня действовали”, – так осторожно, но не вполне однозначно заявляет он следователю. Нет, Род и Курс не нравились поэту. Он выбрал себе других друзей – журнал “Сибирские огни” во главе с Зазубриным и Ановым. Те считали С. Есенина гением русской поэзии.

В Новосибирске действовала напегальная

“ОН ДЛЯ МЕНЯ, КАК ДЛЯ ВСЕХ, ПОЭТ...”

Джугашвили, сукина сына./ Упорство осла/ Упорство лисы совместил он умело./ Нарезавши тысячи тысяч петель, насиллием к власти пробрался./ Ну, что ж ты наделал, куда ты залез, Расскажи мне, семинарист неразумный.

Следует заметить, что поначалу и Анов, и все остальные сибиряки поддерживали советскую власть, но пятилетка и раскулачивание вызвали в них протест. Васильев сочинил тогда на этот же счет: **Рыдают Галилеи в нурсудах./ И правда вновь в смиренных рубашках./ На север снова тянутся обозы./ И бычья кровь не поднялась в цене.**

Под бычьей кровью следует понимать крестьянскую.

Все эти разговоры и чтение эпиграмм происходили при большом скоплении людей. Разумеется, агентура не дремала. 4 марта 1932 г. “Сибирская бригада” в полном составе была

всех “толстых” журналах, в газетах.

...В апреле 1933 г. на творческом вечере в редакции журнала “Новый мир” П. Васильев читал начало поэмы “Соляной бунт”. Многие, кто был не знаком со всей поэмой, обрушились на автора, упрекая его в воспевании “сытой кулацкой деревни”. Но что поделаешь, если действительно деревня была сытой. Из стенограммы вечера, опубликованной в шестом номере журнала за 1934 г., мы узнаем, какие обвинения предъявлялись поэту:

Е. Усиевич: “Чуждая идеология прет из П. Васильева непроизвольно”.

К. Зелинский: “П. Васильев – певец сибирского кулака”.

И. Нусинов: “Упоение “избяным” скучно, запоздало и никого не трогает”.

И. Гронский: “П. Васильев – выразитель кулацкой идеологии, служащей силам контрреволюции”.

Обратите внимание, среди других – И. Гронский и Е. Усиевич. Значит, и близкие друзья отвернулись от поэта. Не сомневаюсь, они

...6 февраля 37-го года поэт был арестован. В недрах НКВД разрабатывалась “блестящая” операция по созданию писательской правой террористической организации, которая должна была якобы иметь связь с Бухариным. Взяли И. И. Макарова, лично знавшего Бухарина. Выбили из него показания еще на троих: писателей М. Карпова, И. Васильева и поэта П. Васильева. Последний “назначался” исполнителем террористического акта, он должен был стрелять в товарища Сталина. Именно эти показания на него выбили из других (И. Макарова, М. Карпова, И. Васильева), после чего арестовали П. Васильева. Почему выбор пал на поэта?

В НКВД рассудили так, что если бы действительно существовала не придуманная ими, а настоящая писательская организация правых в поддержку Бухарина, то на роль террориста был бы выдвинут П. Васильев. Во-первых, он беспартийный, и в случае его ареста организация правых не будет ни в чем заподозрена, она останется как бы в стороне. Во-вторых, он из крестьян (!?), значит, убийство Сталина будет объясняться недовольством народа. В-третьих, в силу родственной близости к Гронскому (жены П. Васильева и И. Гронского – родные сестры) Васильев легко может добиться свидания с самим Сталиным и там его убить.

Следователем П. Васильева оказался все тот же И.И. Илюшенко. Испытывая чувство симпатии к Васильеву, Илья Игнатьевич попытался спасти поэта и вышел к начальству с предложением дать ему 5 лет ссылки, мотивируя это тем, что поэт не является участником правой террористической организации, и согласия на теракт не давал. Просто много пил и в пьяном виде допускал антисоветские высказывания, за что, конечно, должен понести наказание, но по другой статье. Тогда Илюшенко отстранили от следствия и передали дело Павловскому. Этот зверь в образе человека хвалился, что меньше двух разведок и тридцати участников контрреволюционной организации он от подследственного “не берет”.

Илюшенко тогда же был арестован по обвинению в подготовке терактов против Сталина и Ежова, связанных с Васильевым.

Павел Васильев прошел все пытки и избиения, о которых мы ничего не знаем, потому что личные дела в Бутырской и Лефортовской пыточных тюрьмах не сохранились.

Летом 95-го ФСБ переслала в Рязань уголовные дела 32-го и 37-го годов с тем, чтобы я познакомилась с ними. Я прочитала протокол допроса от 19 февраля 1937

и курс не нравились поэту. Он выбрал себе других друзей – журнал "Сибирские огни" во главе с Зазубриным и Ановым. Те считали С. Есенина гением русской поэзии.

В Новосибирске действовала нелегальная литературная группа "Памир". Организатором был Анов, его сподвижниками – Н. Феоктистов, С. Марков, Л. Мартынов, Е. Забелин и др. "Памировцы" боролись с Родовым и Курсом, выступали с памфлетами и статьями в газетах, спорили на диспутах, отстаивали свободу творчества. Анов мечтал "захватить" какой-нибудь журнал и печатать там подлинно художественную прозу, стихи, искать и поддерживать молодые таланты. Васильеву не предложили вступить в "Памир", он и не подозревал о существовании нелегальной группы. Однако со свойственной ему горячностью включился в борьбу: **По указке петь не буду сроду, / Лучше уж навеки замолчать. / Не хочу, чтобы какой-то Родов! Мне указывал про что писать.**

Очень скоро ему припомнят эти строчки. А пока он беспечно веселился с "легкомысленнейшим" (по определению Павла) Н. Титовым. Их веселое времяпровождение беспокоит Анова Феоктистова. Те боятся, как бы недруги Васильева из журнала "Настоящее" не использовали это во вред молодым друзьям. Журнал "Сибирские огни" предлагает поэтам отправиться в экспедицию по Сибири. Путь был длинный: Чита, Иркутск, Сретенск, Благовещенск, Верхне-Удинск, Хабаровск, Владивосток... Писали инсценировку для театра, стихи в газеты.

...Осенью 29-го Васильев вновь приезжает в Москву. Вместе с очерками "На Тафуине", "В золотой разведке", "День в Хакодате" он публикует и новые стихи: "Ярмарка в Куяндах", "Киргизия", "Товарищ Джурбай" и др. Лето 30-го для Васильева было очень насыщено событиями. Он много ездит и много пишет. Становится членом литературной группы "Сибирская бригада", созданной из "Памира", который в Москве самораспустился. Группа легальная, цели те же: борьба с партийным засильем в литературе и отстаивание свободы творчества.

...Сибиряки не понимали, что Москва это не Новосибирск, и вели себя очень неосторожно. Очутившись в столице, они неминуемо были втянуты в большую политику. Те, кто постарше Васильева, знали еще Колчака. Блестящий офицер, человек высокообразованный, адмирал Колчак был их кумиром. С. Марков сочинил в его честь стихотворение, у Е. Забелина в 25-м была написана целая поэма "Адмирал Колчак".

И когда эти люди оказались лицом к лицу с нынешней властью, они стали сравнивать. Сравнение получилось не в пользу последней. Анов, подчиняясь общему порядку, вывесил на стене редакции "шесть условий товарища Сталина", но относился к вождю с ненавистью, считал злым гением. Предложил Васильеву зарифмовать гекзаметром шесть заповедей Сталина. Павел сел и миглом написал эпиграмму на вождя: **О, муза, сегодня воспой**

Все эти разговоры и чтение эпиграмм происходили при большом скоплении людей. Разумеется, агентура не дремала. 4 марта 1932 г. "Сибирская бригада" в полном составе была арестована. Обвинение для всех одно – сочинение и распространение произведений антисоветского содержания.

Помимо вышеперечисленных эпиграмм и четверостиший, Павлу Васильеву вменялась в вину "кулацкая" поэма "Песня о гибели казачьего войска", а именно те крамольные строчки, которые автор вложил в уста своих героев – казаков, недовольных советской властью: **Что за нова власть така – раздела и разула! / Еще живы пока в станицах есаулы!**

Следователи путали персонажей поэмы с автором даже в официальной справке. Они пишут, что Павел Васильев – сын казака, хотя поэт четко указывал в анкете, что его отец – школьный учитель.

В 37-м Журбенко, руководивший арестом поэта, еще более сгущает краски, утверждая, что Васильев "сын крупного кулака из Павлодара". Хотя анкетные данные по поводу профессии отца не изменились.

Все сибиряки получили по три года ссылки на Север, кроме Васильева. П. Васильева приговорили к условному наказанию. Возможно, потому что не принимал участия в "Памире", по молодости лет не успел. Следователь Илюшенко в 56-м году в своих показаниях написал, что главная причина, почему не сослали, яркая талантливость поэта, который и в кабинете следователя не переставал сочинять стихи.

Бытует мнение, что поэт проявил малодушную готовность дать показания на своих друзей, удобную следователю. Я читала уголовное дело 32-го года. Да, они все, а не только П. Васильев, испугались и послушно отвечали на вопросы следователя. А зачем было молчать, запереться? Они все и не мнили себя героями. Кроме того, ничего нового они следователям сообщить не могли, все и так было известно из агентурных данных. Да и преступления не было. Было инакомыслие – естественное состояние души любого пишущего. Нет, им не надо было быть героями, у них была другая задача. Они владели Словом. И несли Слово людям. Слово правды. В то время это было сделать очень трудно.

...Конечно, с точки зрения обычных людей, было бы честнее на все вопросы следователя ответить молчанием и разделить судьбу своих старших товарищей – уехать в ссылку. Хотя последние получили ссылку отнюдь не за молчание, а за то, что были старше и успели больше "нагрешить".

Но что там, в ссылке? Писать в "стол"? А после ссылки? Будет ли у него возможность приехать в Москву и снова печататься? Ведь уже сделаны две попытки. В 27-м Москва его не приняла. Он вынужден был уехать. В 29-м получилось легче. Друзья-сибиряки приоткрыли, поддержали. Поэт был "улышан". И вот – он постоянный автор публикаций практически во

лацкой идеологии, служащей силам контрреволюции".

Обратите внимание, среди других – И. Гронский и Е. Усевич. Значит, и близкие друзья отвернулись от поэта. Не сомневаюсь, они продолжали любить Васильева, но что поделаешь, время было такое. И тот, и другая состояли в партии, их положение в обществе, в литературе обязывало строго указать подопечному, в чем его грех. Недруги поэта ликуют. М. Голодный сочинил "Стихи в честь П. Васильева", где содержится прямая угроза: **Будешь лежать ты, прикрытый пылью, / Рукой прикрытая свой хитрый глаз, / Таков закон у нас, Павел Васильев, / Кто не с нами, Тот против нас.**

В ответ поэт пишет "Раненую песню". Он жалуется: **Тяжело мне, волку, / На волчьих охотах... Он огрызается: Что вы меня учите! / Лизать сапоги, / Мой язык плохого! / Прибавит глянец. Да, к чести поэта можно сказать, что он не запянул себя ни одной верноподданнической строчкой.... Васильев воспевал народ, его будни и праздники, его битву за счастье. А надо было прославлять вождей. Надо было поставить свое слово на службу режиму. Но на это поэт не пошел осознанно, понимая, что вступает на гибельный путь.**

Говорят, лежачего не бьют. Однако недругам Васильева закон был не писан. В мае поэт подрался с Джеком Алтауэном. Григорий Санников в показаниях, данных на Лубянке в 56-м, утверждает, что драка была спровоцирована Алтауэном, который в лицо Васильеву сказал оскорбительные слова в адрес дочери художника П. Кончаловского, за что получил пощечину. Тем не менее 24 мая 1935 г. в газете "Правда" появилось письмо, где требовалось принять "решительные меры против хулигана Васильева", избившего "бедного" Алтауэна. Двадцать известных поэтов подписали письмо – А. Безыменский, Н. Асеев, С. Кирсанов, И. Уткин, М. Жаров, В. Луговской и др. Создается впечатление, что на них было оказано давление со стороны гл. редактора газеты Мехлиса, иначе, чем можно объяснить, что близкий друг П. Васильева – Б. Корнилов – тоже подписался под письмом.

По следам выступления в газете 15 июля 1935 г. поэт был осужден на полтора года лишения свободы. Благодаря ходатайству И. М. Гронского, П. Васильев был переведен из подмосковной ИТК в рязанскую тюрьму. Вскоре поэт досрочно освободили под обещание больше не пить, данное ЦК ВКП (б). И в марте П. Васильев вернулся в столицу.

...В "Новом мире" у Гронского выходят две поэмы – "Кулаки" и "Принц Фома".

Некто Коварский в статье "Стиль Гаргантюа" со страниц "Литературного Ленинграда" обрушивается на автора поэм: "Центральной фабулой обеих поэм является кондовый российский кулак. Вернее было бы сказать, что это не две поэмы, а одна, но в двух разных вариантах – идиллическом и драматическом. Эта кулацкая идиллия и кулацкая драма".

пытонных тюрьмах не сохранились.

Летом 95-го ФСБ переслала в Рязань уголовные дела 32-го и 37-го годов с тем, чтобы я познакомилась с ними. Я прочитала протокол допроса от 19 февраля 1937 г. Писал не отец, а кто-то другой. Отца заставили подписаться под каждым листом. Подпись "Павел Васильев" на первых листах выведена четко, на предпоследнем искажена, на последнем вместо нее – волнистая линия. Подписи следователя под протоколом нет, кто мучил П. Васильева, неизвестно.

14 июля пресловутая "тройка" приговорила поэта к расстрелу, 16-го его расстреляли. Вместе с ним расстреляны писатели И. Макаров, И. Васильев, М. Карпов. Захоронены на Донском кладбище в Москве.

НКВД продолжал ликвидацию "правой писательской террористической организации". 13 августа 37-го расстреляны Иван Приблудный и еще один "террорист" – 23-летний сын С. Есенина – Георгий Есенин. 8 октября 1937 г. расстрелян Сергей Клычков. 15 марта 1938 г. расстреляны Василий Наседкин и Петр Орешин.

Выбор НКВД на поэтов есенинского круга пал не случайно. Все они откровенно высказывали неодобрение политике властей в отношении крестьянства. Они были смельчаками, владевшими самым грозным оружием, – словом.

В 1956 г. Илюшенко вернулся в Москву, он привез с собой стихотворение П. Васильева, написанное им во время допроса, который вел Илья Игнатьевич: **Снегири взлетают красногруды... / Скоро ль, скоро ль на беду мою / Я увижу волчьи изумруды / В нелюдимом северном краю...**

Стихотворение обращено к Елене Вяловой, той, что была ему верной и преданной спутницей в последние четыре года его жизни. Она и сама через год после расстрела мужа была арестована как ЧСИР, отсидела весь срок – 5 лет лагерей, а затем была в ссылке.

В 1956 г. Елена Александровна вернулась в Москву. При поддержке И.М. Гронского добилась посмертной реабилитации мужа. Вместе с П. Вячеславовым подготовила первый стихотворный сборник Павла Васильева. Он был самым первым, ибо при жизни поэт публиковал свои стихи только в периодике. Из пяти сборников, подготовленных поэтом к печати, – "Песни", "Ясак", "Путь на Семиге", "Книга стихов", "Стихи" – ни один не увидел свет.

...И даже сейчас я, пожалуй, не осознаю до конца, что П. Васильев – мой отец. Он для меня, как и для всех, Поэт...

Подготовила к печати
З. МЕРЦ,
гл. хранитель
Дома-музея П. Васильева.

На снимках: дочь поэта Н.П. Фурман со своей дочерью Светланой у бюста П. Васильева; первый вечер памяти П. Васильева на квартире И. Гронского. Москва, 1956 г. Среди присутствующих – Е. Вялова-Васильева и И. Илюшенко.